

воздвигнутых Мехмедом II: о крепости около Золотых Ворот в Константинополе (Иедикуле), об императорских дворцах в Константинополе и Адрианополе, о мосте через Аксий (Вардар); о крепостях, которые преграждали вход в Геллеспонт и которые он снабдил примерно 30 большими и многими маленькими пушками; о постройке в Черном море флота, состоявшего примерно из 30 кораблей с тремя рядами весел; о плане султана обратить Константинополь в сильный опорный пункт для господства на море⁴¹.

Очень бросается в глаза также некоторое сходство между историческим трудом Лаоника Халкокондила и историческим трудом Критовула из Имброса, который, как известно, сделался верным турецким подданным.

Вышеуказанное сообщение Лаоника о стремлении Мехмеда II утвердить господство на море и обеспечить этим успех своим завоевательным планам очень похоже на такое же самое сообщение Критовула⁴². Подобно Критовулу (Critob., III, 1, 3.2—4, 19.1, 20.1), Лаоник указывает (Chalc., II, p. 176. 9—19, 220. 1—9, 227. 10—17), что причиной того, что Мехмед II напал на Пелопоннес и в конце концов совсем покорил этот полуостров, было не стремление султана все более и более расширять пределы своей власти, но неуплата деспотами дани, которую они обязались выплачивать, и споры их между собой. Как Критовул (Critob., III, 9.5—6), так и Лаоник Халкокондил (Chalc., II, p. 211. 5—12) рассказывают, что Мехмед II был полон восхищения перед древними Афинами. Каждый раз, когда Мехмед II отправляется в поход против чужой страны и нападает на ее правителей, Критовул старается в своем историческом труде полностью его оправдать, объясняя обычно причину его похода тем, что ему не хотят выплачивать дань⁴³. Неуплата дани появляется как причина многих завоевательных походов турецких султанов и в историческом труде Лаоника. Так как Скандербег не платит дань, Мурад II должен на него напасть (Chalc., II, p. 120. 5); под тем же самым предлогом предпринимает истребительную войну против боснийского царя (Chalc., II, p. 279. 4—10) и Мехмед II. Оставим в стороне вопрос о том, следует ли отнести такие сходные объяснения у обоих историков за счет исторических обстоятельств или здесь имеет, может быть, место взаимное заимствование. Но, во всяком случае, если бы Лаоник Халкокондил эмигрировал на Крит или в какое-нибудь другое место в Италии, ему трудно было бы изображать дело так, чтобы турецкие султаны казались «невинными» агрессорами, а христианские государи, на которых он напал, «виновными» жертвами.

Лаоник сам признается, что о размерах бедствия, постигшего город Леондари при завоевании Пелопоннеса турками, он навел справки потом у жителей его окрестностей⁴⁴.

Так как после смерти Мехмеда I византийцы хотели выдвинуть другого претендента, Мурад II старался поддерживать с ними прежние хорошие отношения. Но «по неразумию» (ἀπὸ ἀφροσύνης — Chalc., II, p. 1.8) византийцы поступили так опрометчиво, что подвергли свое государство величайшей опасности.

Когда Мурад II напал на Коринфский перешеек, укрепленный деспотом Константином Палеологом, один из пелопоннесских разведчиков, который видел наступающее войско, не мог удержаться от упреков деспоту в том, что, вступив в войну с таким сильным противником, он вверг страну

⁴¹ Chalc., II, p. 276. 8—p. 277. 7.

⁴² Critobulos, III, 13 ed. C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum, vol. V, pars 1. Parisiis, 1870.

⁴³ Critob., II, 8. 1, 20. 11; III, 10. 2, 16. 4; IV, 1. 2, 11. 1, 15. 2; V, 11. 1.

⁴⁴ Chalc., II, p. 230.13.